

A. HADJINIKOLAOU - MARAVA. RECHERCHES SUR LA VIE DES ESCLAVES DANS LE MONDE BYZANTIN

Athènes, 1950, 118 p.

А. ХАДЖИНИКОЛАУ - МАРАВА. ИССЛЕДОВАНИЯ О ПОЛОЖЕНИИ РАБОВ В ВИЗАНТИИ

Афины, 1950, 218 стр.

Небольшая книга греческой византистки Анны Хаджиниколау-Маравы посвящена весьма важному вопросу социально-экономической истории Византии, которым много занимались советские византисты¹ и который, насколько нам известно, до сих пор почти не ставился в буржуазной исторической науке, — вопросу о положении рабов в Византии. Как же ставит и как решает этот вопрос буржуазная исследовательница, ученица Ф. Кукулеса, автора ряда работ по бытовой истории византийского общества?

Во введении к книге А. Хаджиниколау старается создать у читателей впечатление, что она будто бы связывает положение рабов с экономическим развитием общества, с экономическим прогрессом (*progrès matériel*). Впрочем, в этом вопросе для автора единственным авторитетом остаются древнегреческие философы, и она ограничивается тем, что приводит известную фразу Аристотеля об орудиях-автоматах, делающих ненужным рабство (стр. 8). Но пусть не думает читатель, что даже такой робкий „материализм“ может быть положен в основу исследования, появившегося в фашистской Греции 1950 г.! На деле, работа А. Хаджиниколау — от начала и до конца — проникнута обычным для современной буржуазной исторической науки, самым вульгарным идеализмом. Это видно хотя бы из того, что исследование начинается главой, посвященной церкви и государству в Византии, так как автор считает своей основной задачей характеристику взглядов церкви на рабство.

В ряде мест книги А. Хаджиниколау говорит о том, что все изменения в положении рабов были порождены влиянием церкви; в частности, она утверждает, будто тезис о равенстве людей был якобы создан богословием и оттуда именно проник в право (стр. 24).

Известный рескрипт императора Антонина (138—161), декларативно-запрещающий „сверх меры и без причины“ свирепствовать над рабами, рассматривается автором также как результат влияния христианства (стр. 63). Важнейшим противоречием византийского общества А. Хаджиниколау считает то обстоятельство, что христианство провозгласило равенство людей перед богом, а рабство тем не менее продолжало существовать! (стр. 12).

Идеализируя церковь, А. Хаджиниколау старается показать, что христианство выступало против рабства; она утверждает, что религиозные чувства были „шокированы“ фактом существования рабства. Но это утверждение ни в коей мере не соответствует действительности.

¹ См., например, Е. Э. Липшиц. Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв. „Вестник Древней истории“, 1939, № 1, стр. 364; Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. „Труды Института востоковедения“, т. 31, 1940; М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. „Ученые записки Свердл. пед. ин-та“, вып. 4, 1948, стр. 64; его же. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века. „Византийский временник“, т. IV, 1951, стр. 13—15.

Маркс писал, что „социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество“¹.

За все время своего существования византийская церковь никогда не выступала с идеями социального равенства, — ее учение имело в виду лишь равенство мистическое. „В нашем мире, — писал Феодор Студит (IX в.), — существует рабство, так же как и брак; но в будущем (загробном) мире упразднится и то и другое, и все будут, как ангелы“. Мало того, мы можем отметить боевые выступления церкви в защиту рабства. В середине IV века появилась секта, которая из религиозных соображений выступала против рабства, убеждая рабов бросить своих господ. Собрался церковный Гангрский поместный собор, который предал анафеме лиц, принципиально выступавших против рабства. Эта анафема воспроизводилась во всех последующих книгах по церковному праву. Вспомним положение канониста Зонары (XII в.): „Апостол Павел . . . заповедывал рабам своим господам повиноваться . . ., но Евстафий и его последователи учили всему наоборот и убеждали рабов оставлять своих господ . . . Подобных лиц собор, следуя апостольским правилам, предает за такое учение анафеме“. То же самое мы находим и у других канонистов — Вальсамона, Аристина. В XIV веке канонист Властарь писал: „3-е правило Гангрского собора считает крайне безрассудным убеждать раба под предлогом благочестия презирать господина и не с усердием покоряться ему и служить. Посему, выражая справедливое негодование, предает анафеме учителя безумия“. Как видно, отношение византийской церкви к институту рабства совершенно определенное — рабство защищалось всеми средствами церковного воздействия. Византийская церковь чтит некоторых святых, которые „чудесно“ помогали обращающимся к ним господам разыскивать беглых рабов. О „чудесной“ помощи святых в розыске рабов писал и Евстафий Солунский и авторы житий святых. Почему же А. Хаджиниколау, — если уж она поставила своей задачей подробно изучить отношения церкви к рабству, — не сделала выводов из этих данных? Не знать этих фактов А. Хаджиниколау не могла.

Правда, проповедники (особенно Иоанн Златоуст) часто призывали господ мягче обращаться с рабами; они считали проявлением благочестия освобождение рабов по завещанию или при поступлении в монастырь — однако тут же они убеждали рабов покорно и честно служить хозяевам (*εὐταπειῶς καὶ ἀδούως ὑπηρετεῖν τοῖς δεσπόταις*)², т. е. на деле поддерживали институт рабства. Нигде никаких канонических постановлений византийской церкви, направленных против рабства как института, не было. Об этом А. Хаджиниколау могла бы узнать даже из трудов буржуазных авторов³.

Вторая часть исследования называется „Класс рабов в Византии“ и подразделяется на главы, посвященные упадку античного рабства и появлению византийского рабства; византийскому рабству; упадку византийского рабства и появлению средиземноморского рабства; правовому положению рабов; частной жизни рабов; источникам рабства и формам освобождения рабов на свободу.

На первый взгляд может показаться, что А. Хаджиниколау пытается проследить эволюцию рабства в Византии, однако она не определяет

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 173.

² Слова Фотия — Migne. Patrol. gr., t. CIV, col. 213.

³ W. L. Westermann. „Sklaverei“, in Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, Supplementband, VI, 1935, col. 1068.

даже основных понятий, связанных с этой проблемой: мы тщетно искали бы у автора попытки дать четкое определение терминов „античный раб“ и „византийский раб“. Остается совсем неясным, почему византийского раба XII—XV вв. нужно называть „средиземноморским“, а не „византийским“. А. Хаджиниколау ограничивается тем, что слово „ойкет“ (поздних документов) переводит французским словом *serf*. Иначе говоря, сложный вопрос об исчезновении института рабства в условиях завершения процесса феодализации, в условиях утверждения зрелых форм феодализма автор обходит, удовольствовавшись простым переименованием „ойкета“ в „серва“. Разрешить этот вопрос возможно только на основе марксистского учения о феодализме.

Не приходится говорить, что понимание феодализма автором является просто сумбурным. Достаточно указать, что в политике Комнинов, направленной на ограничение рабства („антирабовладельческий“ характер политики Комнинов устанавливается на основании единственного факта — эдикта 1095 г., разрешавшего рабам вступать в законный церковный брак), А. Хаджиниколау видит не что иное, как антифеодальные тенденции! (стр. 51). Очевидно, она считает, что феодализм как раз и заключался в сохранении системы рабства.

Не понимая существа феодальной системы производства, не видя ее отличий от рабовладельческой системы, А. Хаджиниколау не делает никаких попыток провести разграничение между рабом и феодально-зависимым крестьянином — париком. Чрезвычайно путано излагает она также вопрос о пекулии. Из Пирры мы можем вывести, что в XI веке вопросы, связанные с пекулием, были в центре внимания судебной практики, а „Книга епарха“ показывает, что в X веке рабам предоставлялась значительная самостоятельность в ведении дел. Автор же считает, что институт пекулия мало-помалу пришел к „первоначальному состоянию“, — т. е. пекулий стал вновь составляться из маленькой суммы денег, предназначенной для торговых целей, или же из вещей, отданных в пользование рабу, и инициатива, предоставленная рабу в управлении пекулием, должна была уменьшаться по мере того, как приходил в упадок „старинный и солидный институт рабства“ (стр. 39). Выходит, что с исчезновением рабства инициативность работника падает! Разумеется, автор не в состоянии подтвердить фактами этот фантастический и совершенно антиисторичный тезис.

Суждения автора относительно роли рабов в производстве крайне поверхностны. Рабы, — утверждает А. Хаджиниколау, — только предмет роскоши и излишеств, тогда как сельскохозяйственных рабов в Византии почти совершенно не было (стр. 37). По ее мнению, в „послеюстиниановский период“ в „домах“ знати совсем не было и рабов-ремесленников (*nous ne rencontrons plus les esclaves spécialistes*); впрочем, приводимые автором несколько ниже выдержки из источников опровергают этот вывод. А. Хаджиниколау допускает, что раб мог быть управляющим господского имения, и ссылается в доказательство этого на „Книгу епарха“ (стр. 38). Но по „Книге епарха“ применение рабского труда далеко выходит за рамки использования их только в этой роли¹.

Автор крайне идеализирует взаимоотношения господ и рабов, приводя в доказательство ряд трафаретных сообщений агиографии о милостивых отношениях „святых“ к рабам. Зверства же господ оправдываются

¹ См. об этом М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века. „Византийский временник“, т. IV, М. 1951, стр. 13—15.

пошлым соображением: „трудно ожидать хороших отношений при тогдашнем уровне морали“ (стр. 81).

Особенно характерны для современного буржуазного историка рассуждения о чувствах рабов, которые они якобы испытывали к своим господам.

Все византийские источники единодушно свидетельствуют, что рабы — враги господ. Но А. Хаджиниколау „затрудняется“ дать ответ на этот вопрос: „Трудно сказать на этот счет что-либо определенное“ (стр. 81), пишет она, принимая позу объективного исследователя, колеблющегося перед разноречивыми фактами. И вслед за тем она приводит ряд примеров „преданности“ рабов господам.

Конечно, единичные примеры „рабской преданности“ можно отыскать, но если автор пишет главу о „классе рабов“, не следует сводить вопрос к единичным примерам.

Само собою разумеется, что А. Хаджиниколау старательно обходит известия о революционных выступлениях рабов, о мятежных настроениях среди рабов государственных мастерских, об участии рабов в больших восстаниях (например, в восстании Фомы Славянина). Автор не принимает в расчет материалы гражданского и церковного законодательства, которые свидетельствуют о крайне острых классовых противоречиях между рабами и господами. В законодательных памятниках часто разбирается вопрос о том, как поступать с рабами, ищущими в церкви убежища от жестокости господ. При этом законодатели подчеркивают, что рабов, которые явились в храм с оружием в руках, церковь должна беспощадно отвергать, предавая их в руки властей. Ясно, что в данном случае имелись в виду вооруженные выступления рабов. Прохирон устанавливает, что рабы, замышляющие выступление против господина, должны быть сожжены живыми. Все эти и другие материалы разрушают ту идиллическую картину отношений рабов и господ, которую рисует А. Хаджиниколау.

Касаясь вопроса о подходе автора к источникам, следует прежде всего указать, что А. Хаджиниколау весьма невнимательно использует тексты документов. Например, на стр. 46 она утверждает, что катартарий (простой чистильщик шелка-сырца) „не мог быть ни рабом, ни бедняком“. Но в „Книге епарха“ говорится совсем другое: катартариев-рабов и катартариев-бедняков не допускали к коллективным закупкам сырца от иностранных купцов. Если бы автор обратил внимание на ст. 3 той же главы, то убедился бы, что среди катартариев были и рабы.

Говоря о рабах церкви, автор ссылается на 12-ю новеллу Льва VI о предоставлении церкви дохода с 1100 эргастерий. Но при чем тут рабы?

Далее, ряд фактов свидетельствует о крайне поверхностном знакомстве автора с источниками. Так, на стр. 62, указав на то, что Лев VI подтвердил запрет принимать свидетелем рабов на суде, автор прибавляет: „Арменопул (XIV век! — М. С.) пошел даже дальше, отрицая право выступать свидетелями на суде за лицами, имущество которых было ниже 50 золотых“. Выходит, что беднота была лишена этого права только в XIV в.! Между тем ничего нового в этом отношении Арменопул не сделал. Запрещение беднякам выступать в качестве свидетелей на суде, установленное еще в Дигестах (Dig., 48,2.10), повторялось затем в различных памятниках византийского права IX—XI вв.: Прохироне (XXVII, 22 и 23), Василиках (XXI, 1.27) и Пире (30,11).

При этом нужно отметить, что А. Хаджиниколау фактически оправдывает лишение бедняков права быть свидетелями. Она утверждает: „Очевидно византийцы считались с тем, что свобода совести без экономической свободы — пустое слово!“ (стр. 62).

Автор привлек к своему „исследованию“ ограниченный круг источников и литературы. В частности, русская литература оказалась недоступной для А. Хаджиниколау. Папирусы знакомы ей лишь из вторых рук (по статье Таубеншлага). Даже *Corpus Juris* Юстиниана используется не по подлиннику, а по французскому переводу.

В заключение мы можем сказать, что книга А. Хаджиниколау представляет тенденциозный подбор данных о рабах в Византии, имеющий целью „обосновать“ на материале византийской истории концепцию А. Валлона, который объяснял упадок рабства воздействием христианской морали. Работа А. Хаджиниколау, идеалистическая по своей методологии и в значительной мере компилятивная, не дает ничего нового для понимания природы византийского рабства. А. Хаджиниколау ни словом не обмолвилась о наличии марксистской научной теории относительно причин упадка рабства, но по всему видно, что целью ее работы было противопоставить марксистской теории свою идеалистическую, эволюционистскую. Однако попытка объяснить замену рабства феодальными формами эксплуатации в Византии, минуя вопрос о нерентабельности рабского труда, минуя вопрос о революционных движениях рабов, оказалась, как мы видим, несостоятельной. Только на основе марксистско-ленинской методологии, углубленно анализируя вопрос о генезисе, расцвете и специфике византийского феодализма, можно дать ясное представление о судьбах рабства в Византии.

М. Я. Сюзюмов

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ЛАТИНСКОЙ ИМПЕРИИ

Латинская империя — государство, основанное западноевропейскими крестоносцами на территории Византии, неоднократно служила уже предметом изучения историков. В настоящее время можно считать твердо установленным, что это феодальное королевство держалось исключительно жесточайшим угнетением и терроризированием населения, подпавшего под власть главным образом французских рыцарей и венецианских торговцев. И хотя факты, свидетельствующие о грабительской сущности этой недолговечной империи, хорошо известны, — не вызывает большого удивления появление в современной буржуазной историографии работ, основное содержание которых сводится к возвеличению и реабилитации политики государств крестоносцев, и прежде всего — Латинской империи. В самом деле, в то время, когда империалистический мир предпринимает попытки развязать новую мировую бойню, в которой он ищет спасения от неминуемого краха, когда милитаристы США и их приспешники осуществляют кровавую агрессию против Кореи и организуют вооруженные провокации, шпионаж и диверсии против ряда других миролюбивых демократических стран, — реакционные буржуазные историки США, Англии, Франции не могут не откликнуться на призыв империалистов мобилизовать все идеологические средства для одурманивания народов, сопротивляющихся военному угару, для оправдания агрессии. Естественно поэтому,